

СССР и политика гарантий западных держав весной 1939 г.

© К.В. Федоров

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

На основе анализа дипломатических документов автор приходит к выводу о том, что политика гарантий западных правительств весной 1939 г. представляла собой отход от политики умиротворения в ее мюнхенском виде, но не означала полный разрыв с ней. СССР не доверял Англии и Франции, но не отказывался сотрудничать с ними. Однако в результате срыва англо-франко-советских переговоров шанс предотвратить Вторую мировую войну был упущен.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, агрессивная политика фашистской Германии, политика гарантий, советская дипломатия, англо-франко-советские переговоры*

Утром 15 марта 1939 г. моторизованные части вермахта вступили в Прагу. В тот же день по приказу Гитлера над старинной резиденцией чешских королей — Пражским градом — был поднят флаг с фашистской свастикой. Чехословакия перестала существовать как суверенное государство. Чехия была включена в состав Третьего рейха в качестве протектората Богемии и Моравии. В Словакии были размещены германские войска и создано марионеточное профашистское правительство.

Захват Чехословакии позволил гитлеровской Германии увеличить военно-экономический потенциал и ускорить подготовку к войне. Она присвоила себе золото и валюту чешского эмиссионного банка. Вермахт получил военную технику, оружие и снаряжение чехословацкой армии. В руках Гитлера оказались военные заводы «Шкода» с отличным оборудованием и квалифицированными инженерно-техническими кадрами. События 15 марта 1939 г. положили начало предвоенному политическому кризису в Европе, который завершился нападением фашистской Германии на Польшу и началом Второй мировой войны.

Аннексия Чехословакии кардинально изменила геополитическую ситуацию. Гитлер овладел стратегическим плацдармом в Центральной Европе, позволявшим развивать агрессию как в восточном, так и в западном направлениях. В день, когда германские войска вступили в Прагу, У. Черчилль заявил советскому полпреду И.М. Майскому, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а наоборот, предвещает усиленный нажим на За-

пад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и ее армию» [1, № 184]. Французский посол в Германии Р. Кулондр предостерегал свое правительство: «Возможно, что уже завтра рейх испробует тот же метод, который ему так хорошо удался в Австрии и Чехословакии, против Румынии и Польши. Однако нельзя исключить также и такое предположение, что рейх еще до завершения своих грандиозных планов на Востоке двинется против западных держав» [1, № 189].

Иллюзии, порожденные надеждой на то, что, отдав Германии Судетскую область и подписав с ней в конце 1938 г. декларации о ненападении, Англии и Франции удастся обезопасить себя, развеялись. Английская пресса называла захват Чехословакии «постскриптумом к Мюнхену», предупреждала, что Гитлеру верить нельзя и призывала к организации сопротивления фашистским диктаторам совместно с Францией, СССР и США [2, с. 351]. В западных странах поднялась волна недовольства политикой умиротворения. В сложившихся обстоятельствах правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье были вынуждены внести коррективы в свою внешнюю политику. Весной 1939 г. они предоставили гарантии безопасности Бельгии, Голландии, Швейцарии, Польше, Румынии, Греции и Турции, а также инициировали переговоры о сотрудничестве с Советским Союзом.

Событиям кануна Второй мировой войны посвящено большое количество отечественной и зарубежной литературы. Западные историки за редким исключением повторяют утверждение министра иностранных дел в правительстве Н. Чемберлена Э. Галифакса о том, что политика гарантий стала «дипломатической революцией». Так, авторитетный британский историк А. Дж. П. Тейлор называл предоставление английских гарантий Польше весной 1939 г. революционным событием в предвоенных международных отношениях, хотя, по его мнению, и после этого «дверь для переговоров» с Германией оставалась открытой и британская дипломатия оказывала давление на Гитлера, чтобы он вошел в эту «дверь» [3, р. 206, 215].

С. Ньюмен [4], Р. Паркинсон [5], Д. Уатт [6] доказывают, что после аннексии Гитлером Чехословакии правительство Н. Чемберлена отказалось от политики умиротворения. А. Адамсвейт утверждает, что целью франко-британской дипломатии весной-летом 1939 г. было создание мирного фронта в Восточной и Юго-Восточной Европе, но признает, что даже после вступления 15 марта 1939 г. германских войск в Прагу западные правительства держали Москву на «безопасной дистанции» [7, р. 306, 327, 328].

В советской историографии безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой предоставление гарантий странам Восточной Европы и вступление западных держав весной 1939 г. в перего-

воры с СССР являлись всего лишь тактическим маневром, предпринятым с целью ослабить недовольство внутри стран и получить дополнительные козыри в дипломатическом торге с Германией. В 3-м томе «Истории дипломатии» под редакцией А.А. Громыко указывалось: «Политика односторонних “гарантий”, проводимая правительствами Англии и Франции, имела целью воспрепятствовать осуществлению советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе и по существу не предусматривала действительной защиты малых стран» [8, с. 767]. Критика англо-французской политики гарантий содержалась в трудах советских историков И.Ю. Андросова [9], Ф.Д. Волкова [10], И.К. Коблякова [11], И.Д. Овсяного [12], П.П. Севастьянова [13], В.Я. Сиполса [14] и др.

Нельзя утверждать, что современные российские историки полностью отвергли советскую концепцию. Так, Н.Е. Капитонова приходит к выводу, что документы внешней политики Великобритании и СССР убедительно свидетельствуют о том, что никаких революционных изменений в британской политике весной 1939 г. не произошло. Политика умиротворения агрессора продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. Гарантии малым странам и переговоры с Москвой Лондон использовал как средство давления на Берлин с целью заставить его пойти на всеобъемлющее англо-германское соглашение [15, с. 94, 95]. Автор ряда публикаций по интересующей проблематике А.Г. Иванов полемизирует с трактовкой политики гарантий западными авторами как «дипломатической революции», считая такую оценку «преувеличенной», хотя не отрицает, что это был новый фактор в британской внешней политике [16, с. 21].

Однако по сравнению с советским периодом историографическая ситуация в современной России стала более сложной. Со второй половины 1980-х гг. в СССР начался активный пересмотр официальной концепции предвоенных международных отношений, в процессе которого в отечественной научной литературе и публицистике распространились оценки, некритически заимствованные из западной литературы. М.И. Семиряга в книге «Тайны сталинской дипломатии» утверждает, что с марта 1939 г. Англия и Франция проводили «новый курс», поскольку были даны гарантии Польше и другим странам Восточной Европы, а Советскому Союзу было предложено заключить соглашение о взаимодействии. По его мнению, хотя эволюция политики западных держав была непоследовательной, «это не был тактический прием, за которым могло скрываться сознательное продолжение прежнего курса» [17, с. 12, 13].

Главными объектами критики со стороны ученых и публицистов стали внешняя политика Сталина и советско-германский пакт о ненападении. Вслед за западными коллегами некоторые российские ис-

торики даже пытаются доказать, что официально декларируемый советской дипломатией курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии был всего лишь «тактическим приемом» [18, с. 141]. С.З. Случ считает, что после Мюнхена приоритетной внешнеполитической задачей Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией [19, с. 254]. С точки зрения приверженцев «критического направления», к началу весны 1939 г. Сталин уже сделал выбор в пользу активного сближения с Германией [20, с. 194].

Но в целом для новейшей российской историографии характерно стремление к большей сдержанности в оценках. Так, М.М. Наринский считает, что «при всей нечеткости формулировок» английской декларации о гарантиях безопасности Польше это был «важный поворот в британской политике». Вместе с тем он подчеркивает, что, предпринимая эти шаги, правительство Великобритании исходило из собственных интересов [21, с. 32]. Е.О. Обичкина проводит различие между политикой Англии и Франции накануне Второй мировой войны. Она пишет, что в то время как Лондон не отказывался от политики умиротворения вплоть до августа 1939 г., Франция после 15 марта осознала, что умиротворить Германию посредством заключения новых политических соглашений типа мюнхенского вряд ли удастся и перешла от «умиротворения» к «сдерживанию». По мнению Е.О. Обичкиной, хотя Франция была самым серьезным образом заинтересована в действенном договоре с СССР и французская позиция по существу отличалась от британской, в Москве этого по-прежнему не замечали или не хотели замечать [22, с. 107].

Интересную трактовку событий 1939 г. предложил М.И. Мельтюхов. Он считает, что изменение международной обстановки после начала предвоенного политического кризиса в Европе расширило поле для внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Советское руководство рассматривало две возможности: присоединение к англо-французскому блоку и сохранение нейтралитета. Оба варианта открывали перспективу усиления влияния СССР в Европе. Союз с Лондоном и Парижем превращал Москву в равноправного партнера великих держав. Нейтралитет в условиях ослабления воюющих сторон позволял Советскому Союзу играть роль арбитра, от которого зависел исход войны. Советское правительство попыталось заключить союз с Англией и Францией. Но англо-франко-советские переговоры показали, что западные страны не готовы к равноправному партнерству с Москвой [23, с. 139].

Таким образом, в центре историографической дискуссии о событиях 1939 г. по существу находится вопрос об исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны. В данной статье раскрыты цели и сущность политики гарантий западных держав весной 1939 г. и проанализирована реакция на нее советской дипломатии.

Советское руководство еще в период чехословацкого кризиса 1938 г. неоднократно предупреждало западные правительства о том, что Гитлер не ограничится захватом Судетской области и его следующей целью станет уничтожение чехословацкого государства. Поэтому германская оккупация Чехословакии не стала для Кремля неожиданностью [24, с. 104]. 16 марта 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов проинформировал Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина о германской ноте по поводу оккупации Чехословакии. В беседе с польским послом В. Гжибовским нарком заявил: «Мы стоим за добровольное объединение малых и особенно таких однородных народов, как чехи и словаки, которые только совместно могут отстаивать свою независимость. Мы так же, как и Польша, не можем радоваться усилению мощи агрессивных государств» [25, № 143, с. 194].

Ранее, после осуществления агрессивных актов в Европе, Гитлер некоторое время выжидал, наблюдая за реакцией западных держав. Теперь же он окончательно убедился в своей безнаказанности, и агрессия фашистской Германии развивалась практически без пауз. Вслед за захватом Чехословакии Гитлер, угрожая применением силы, заставил Литву подписать 22 марта 1939 г. соглашение о передаче Клайпедской области с портом Клайпеда (Мемель) Германии. 23 марта Риббентроп в ультимативной форме потребовал от Польши присоединения к Германии Данцига [26, с. 193, 194].

С одной стороны, аннексия Чехии стала логическим завершением сговора, заключенного правительствами Н. Чемберлена и Э. Даладье в Мюнхене 29–30 сентября 1938 г. С другой стороны, она означала крах мюнхенской политики западных держав, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. В беседе с советским полпредом в Англии И.М. Майским высокопоставленный британский дипломат Р. Ванситтарт назвал события в Чехословакии «последним гвоздем, забитым в гроб Мюнхена». По словам Р. Ванситтарта, Гитлер еще раз и в самой наглой форме продемонстрировал, какова ценность его слов или подписи [25, № 137, с. 184]. Французский посол в Германии Р. Кулондр также не скупился на сильные выражения: «гитлеровская Германия сбросила маску», для нее «любой документ — клочок бумаги» [1, № 189].

15 марта 1939 г. британский премьер Н. Чемберлен, выступая по вопросу о захвате Чехословакии в палате общин, был вынужден осудить поведение Гитлера, хотя умолчал об ответных действиях британского правительства. Более того, Чемберлен утверждал, что, несмотря на все происшедшее, он считает свою мюнхенскую политику правильной и уверен, что она пользуется сочувствием со стороны мирового общественного мнения. Вялая реакция английского прави-

тельства на события в Центральной Европе вызвала критику не только оппозиции, но и видных деятелей консервативной партии. Занимавший в 1935–1938 гг. пост министра иностранных дел А. Иден предостерегал, что за захватом Чехословакии последуют новые акты агрессии со стороны фашистских диктаторов [2, с. 351].

Стремясь ослабить недовольство результатами своей внешней политики, Н. Чемберлен был вынужден сменить риторику. 17 марта на собрании консерваторов в Бирмингеме британский премьер объяснил умеренный тон своей речи в парламенте неполнотой полученных к тому моменту сведений о событиях в Чехословакии. Чемберлен осудил агрессивные действия Гитлера и заверил присутствовавших, что Англия будет сопротивляться до последней крайности против всяких попыток Германии установить свое мировое господство. Однако он снова не объяснил, каким образом намеревается действовать [2, с. 352].

После возвращения из Бирмингема вечером 18 марта Чемберлен созвал экстренное заседание кабинета. Во вступительном слове он отметил, что потерял надежду на сотрудничество с Германией и Италией. Затем глава Форин-офиса Э. Галифакс проинформировал членов кабинета о том, что политический кризис вступил в новую фазу. Он был вынужден признать, что в этих условиях необходимо привлечь на сторону Англии не только Францию, но также Польшу, Турцию и СССР. Кабинет поручил комитету внешней политики изучить возникшую ситуацию и представить свои соображения [27, с. 88].

Несмотря на господствовавшее в политических кругах Англии и Франции мнение о восточном направлении германской агрессии, западные политики и дипломаты были вынуждены считаться с возросшей угрозой для безопасности собственных стран. Советский полпред Я.З. Суриц сообщал из Парижа, что во Франции все больше утверждается мнение, что главным направлением германской агрессии является Запад [28, № 152, с. 237, 238; 29].

В силу исторических и геополитических причин французы всегда очень остро воспринимали германскую угрозу. Тревожные настроения во французском обществе усиливались в связи с тем, что наращивание Германией военной мощи происходило на фоне резкого ослабления внешнеполитических позиций Третьей республики. Прекратила свое существование французская система союзов, созданная после Первой мировой войны. Франко-советский договор о взаимопомощи 1935 г. был полностью обесценен в результате Мюнхенского сговора. Единственным союзником Франции оставалась Великобритания. Но она ранее неоднократно шла на уступки Гитлеру за счет французских интересов, и в надежность английских союзников верилось с трудом.

В сложившейся ситуации в Париже были вынуждены вновь вспомнить о России. 17 марта Я.З. Суриц сообщил о намерении французских парламентариев послать к главе правительства Э. Даладье делегацию с предложением принять немедленные меры к улучшению советско-французских отношений, «к установлению, в частности, контакта между военными штабами» [1, № 190].

17 марта 1939 г. английский и французский послы в Берлине вручили заместителю министра иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру ноты протеста против германских действий в Чехословакии, а затем покинули Берлин. В тот же день народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов вручил послу Германии Ф.-В. Шуленбургу в Москве ноту, в которой были отвергнуты все аргументы, которыми Германия пыталась оправдать оккупацию Чехословакии. Действия германской стороны были названы «произвольными, насильственными, агрессивными». «Ввиду изложенного, — говорилось в ноте, — Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов» [25, № 151, с. 202–204]. Советская нота была воспринята за рубежом как резкая и даже «чрезмерно резкая» [24, с. 105].

Таким образом, протесты СССР и западных держав против германской оккупации Чехословакии оказались практически синхронными. На этом фоне внимание средств массовой информации привлекла поездка министра заморской торговли Великобритании Р. Хадсона в Москву. Глава Форин-офиса Э. Галифакс заявил советскому полпреду в Лондоне, что Хадсон «готов обсуждать в Москве любые вопросы, не только экономические, но и политические». В английской прессе сообщалось, что правительство Чемберлена покончило с политикой уступок Гитлеру и приступило к созданию коалиции. Газета «Таймс» указывала на политический характер поездки Хадсона в Москву [27, с. 88].

Впрочем, рассчитывать на радушный прием в Москве британскому министру было трудно. М.М. Литвинов отнесся к миссии Хадсона скептически. Он писал И.М. Майскому в Лондон: «Я не убежден, что ему (Хадсону) удастся рассеять существующие здесь подозрения и недоверие... Из всех ваших сообщений... видно, что Хадсон не уполномочен и не намерен делать какие-либо конкретные предложения. Я думаю, что таких предложений ему сделано не будет». Подводя итог, нарком сделал неутешительный прогноз: «Переговоры, таким образом, вероятно ограничатся обменом взаимными заверениями в готовности сотрудничать без того, чтобы сотрудничество сдвинулось с места» [25, № 155, с. 206, 207].

Момент для возобновления диалога между СССР и западными державами, фактически прерванного после подписания мюнхенского

сговора, был неблагоприятным. Обе стороны не доверяли друг другу. Даже сторонник сотрудничества с западными державами М.М. Литвинов был вынужден признать в телеграмме И.М. Майскому: «Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им». Отсюда следовал вывод: «Чехословацкие события, по-видимому, встряхнули общественное мнение как Англии, так и Франции и других стран. Тем не менее, если в ближайшее время Гитлер не предпримет какой-либо новой экспансионистской акции и, может быть, даже сделает новый миролюбивый жест, Чемберлен и Даладье начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии. Они еще отнюдь не сдались. По мнению наркома, в новой обстановке именно Лондон и Париж должны были сделать первые шаги, в сторону СССР: «Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо высказываются по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу предоставить им» [25, № 155, с. 206, 207].

И.М. Майский полностью разделял эту позицию. Он писал Литвинову: «До тех пор пока Чемберлен остается во главе правительства, трудно ожидать каких-либо прочных и серьезных сдвигов во внешнеполитической линии Англии. Премьер, правда, потерпел полный крах в своей мюнхенской политике, и престижу его нанесен сильный удар, но в душе он, несомненно, и сейчас готов тянуть старую песню, и лишь давление общественного мнения мешает ему это сделать». Подводя итог своим рассуждениям, он делал вывод: «В итоге нынешнюю “вражду” к Германии и “симпатию” к СССР приходится принимать очень осторожно в отношении их глубины и длительности» [1, № 207].

Весной 1939 г. Германия резко усилила давление на страны Восточной и Юго-Восточной Европы. По словам французского посла в Берлине Р. Кулондра, в распоряжении Третьего рейха оказались все средства для политического давления и осуществления контроля над вооружением [28, № 151, с. 236]. Влиятельный германский чиновник Г. Вольтат, находившийся в Бухаресте для переговоров о разведке нефтяных месторождений, в угрожающей форме потребовал от румынского правительства заключения экономического договора, по которому в обмен на безопасность границ Румынии весь ее экспорт должен был направляться в Германию. Встревоженное германским ультиматумом румынское правительство через своего посланника в Лондоне обратилось в Форин-офис с запросом, на какую поддержку со стороны Англии может рассчитывать Румыния [25, № 147, с. 198]. Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс обещал до-

ложить о германском ультиматуме своему правительству, но предупредил, что, прежде чем принять решение, оно захочет выяснить позицию других государств [25, № 150, с. 202].

18 марта британский посол в Москве У. Сидс обратился к М.М. Литвинову с вопросом, какую помощь СССР может оказать Румынии. Нарком выразил удивление, что с этим вопросом к нему обратилась Англия, а не Румыния [25, № 150, с. 202]. В ответ советское правительство предложило провести международную конференцию с участием представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции в Бухаресте [28, № 162, с. 246]. По мнению М.М. Литвинова, эту форму сотрудничества можно было с некоторыми изменениями применять и в других случаях. Обращает на себя внимание тот факт, что советская дипломатия предлагала коллективные меры против агрессии. Британская дипломатия, как показали дальнейшие события, предпочла действовать, игнорируя интересы своих потенциальных союзников.

На словах предполагаемые участники международной конференции положительно отнеслись к советской инициативе. Но на деле они заняли выжидательную позицию. Так, в беседе с советским полпредом А.В. Терентьевым министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу высоко оценил советское предложение, но от его поддержки уклонился, недвусмысленно дав понять, что Анкара займет активную позицию только в том случае, если Англия, Франция и СССР договорятся между собой. Сараджоглу заявил английскому послу, что турецкому правительству легче было принять решение, если бы оно знало, какую позицию займет само английское правительство [28, № 174, с. 261; прим. 86, с. 680].

По свидетельству У. Черчилля, по отношению к советскому предложению у Н. Чемберлена было «весьма определенное мнение». В частном письме 26 марта британский премьер писал: «Должен признать, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действенное наступление, даже если бы она этого хотела. Я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы» [30, с. 157].

Двусмысленная позиция Лондона насторожила правительства стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В беседе с британским посланником в Бухаресте министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку поспешил опровергнуть информацию о германском ультиматуме. Тем самым был дезавуирован запрос румынского посланника В. Тилиа о позиции британского правительства в случае нападения Германии на Румынию. Было опубликовано официальное опровержение в печати. Соответствующие инструкции разослали в румынские дипломатические представительства. Румынский посланник в

Москве Н. Диану сообщил 19 марта НКВД СССР, что никакого германского ультиматума не было и что переговоры с Вольтатом в Бухаресте не выходили за рамки обычных переговоров по применению торгового договора. М.М. Литвинов был уверен, что либо Германия заставила Румынию дать это опровержение, сняв на время ультиматум, либо Румыния решила уступить нажиму Германии [1, № 20].

Не получив своевременного подтверждения Лондоном гарантий своей безопасности, Бухарест капитулировал и 23 марта 1939 г. подписал кабальный для Румынии экономический договор с Германией. В беседе с замнаркомом иностранных дел СССР В.П. Потемкиным румынский дипломат не скрывал, что его правительство было вынуждено уступить Германии, поскольку отказ от подписания экономического договора был бы принят как «вызов» и повлек за собой «самые тяжелые последствия для Румынии». «Мы вынуждены были пойти на подписание этого соглашения, — оправдывался Диану, — чтобы не оказаться с глазу на глаз с Германией, раздраженной нашим отказом. Ведь до сих пор никто не хотел нас поддержать, — ни Англия, ни Франция, ни СССР». Более того, он попытался возложить ответственность за бездействие великих держав на Советский Союз, хотя непосредственно к Москве румынское правительство не обращалось [25, № 176, с. 227].

Сразу после опровержения румынским правительством информации о германском ультиматуме английский посол в Москве У. Сидс получил указание «приостановить акцию в Москве» [25, № 154, с. 205]. Однако, опасаясь роста протестных настроений внутри своей страны, правительство Н. Чемберлена не решилось открыто отказаться от советского предложения. Оно отклонило предложение о созыве конференции шести держав под предлогом того, что оно «преждевременно», «ибо опасно созывать конференцию без уверенности в ее успехе» [1, № 201].

19 марта министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс в беседе с полпредом СССР в Лондоне И.М. Майским выдвинул встречное предложение «в качестве первого шага» опубликовать совместную декларацию Великобритании, СССР, Франции и Польши. 21 марта английский посол в Москве У. Сидс вручил М.М. Литвинову проект декларации четырех держав: «Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты

для общего сопротивления таким действиям» [1, № 210]. В дальнейшем, заверил британский дипломат, к декларации смогут присоединиться балканские страны, а затем можно будет созвать международную конференцию [1, № 210; 27, с. 90].

Британское предложение было менее эффективно, чем советское, поскольку откладывало на неопределенное время созыв конференции и, следовательно, выработку практических мер по обузданию агрессии. Тем не менее 22 марта М.М. Литвинов сообщил английскому послу, что Советское правительство незамедлительно подпишет декларацию, как только Франция и Польша дадут согласие на участие. Он предложил привлечь к участию в декларации не только балканские, но также балтийские и скандинавские страны [28, № 178, с. 265]. 23 марта И.М. Майский передал ответ советского правительства в Форин-офис [8, с. 770]. Особое значение СССР придавал участию в коллективных действиях Польши. В телеграмме полпредам в Великобритании и Франции М.М. Литвинов пояснил, что «без Польши мы декларацию не подпишем» [25, № 162, с. 215, 216; № 163, с. 216].

Захватив Чехословакию, Германия окружила Польшу с флангов и «взяла ее в клещи». Польша должна была стать следующим объектом германской агрессии. Москва не доверяла Варшаве, считая, что польское правительство продолжает прежнюю антисоветскую политику. На словах польское правительство заявляло о готовности сотрудничать с СССР, но фактически намеревалось отказаться от него, если Англия и Франция возьмут на себя обязательства в отношении Польши.

25 марта 1939 г. польский посол в Москве Гжибовский заявил М.М. Литвинову, что английское предложение о заключении четырехсторонней декларации поставило польское правительство в затруднительное положение [27, с. 96]. Впрочем, М.М. Литвинов не питал иллюзий по поводу позиции польского правительства и выражал сомнение в том, что оно присоединится к декларации [1, № 206].

Англичане намеревались обсудить проект декларации во время визита в Лондон польского министра иностранных дел Ю. Бека. Но Польша отказалась подписать декларацию. 27 марта 1939 г. Ю. Бек сообщил в Париж, что польское правительство возражает против английского предложения, хотя оно «не отвергает возможности двустороннего обсуждения с английским правительством тех вопросов, о которых должна идти речь в декларации» [27, с. 96].

Британское предложение о коллективной декларации, осуждающей агрессию, было скорее отвлекающим маневром. 22 марта 1939 г. во время визита французского президента в Англию была достигнута договоренность об оказании взаимной помощи в случае нападения

третьей державы. На заседании комитета по внешней политике британского правительства 27 марта Н. Чемберлен предложил отказаться от ««декларации четырех» и сосредоточить усилия на Польше и Румынии» [31, р. 201].

31 марта Н. Чемберлен заявил в парламенте, что в случае угрозы независимости Польши английское правительство окажет ей «полную поддержку» и заверил, что французское правительство стоит на той же позиции. На следующий день У. Сидс официально сообщил М.М. Литвинову, что считает «вопрос о декларации окончательно отпавшим» [28, № 203, с. 292].

В начале апреля состоялся визит польского министра иностранных дел Ю. Бека. По итогам визита было опубликовано коммюнике, в котором обе стороны выражали готовность заключить соглашение о взаимопомощи. Но Лондон не спешил выполнять свое обещание. Англо-польское соглашение о взаимопомощи было подписано только 25 августа 1939 г., менее чем за неделю до начала Второй мировой войны.

Итало-германская угроза британским имперским коммуникациям в Восточном Средиземноморье тревожила правительство Н. Чемберлена больше, чем перспектива потерять Польшу. С этой точки зрения ключевое значение для британской внешней политики имели Греция и особенно Турция. 7 апреля 1939 г. Италия вторглась в Албанию и в течение недели оккупировала ее. 10–11 апреля внешнеполитический комитет британского правительства обсуждал положение в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье [31, р. 236–274]. На заседании 10 апреля министр по координации обороны Великобритании Э. Четфилд задал вопрос: «Если мы предоставили гарантии независимости Польше, в которой мы мало непосредственно заинтересованы, то можем ли мы оставить Грецию и Турцию, сохранение независимости которых представляет для нас непосредственный интерес?» [31, р. 240, 241].

13 апреля 1939 г. Англия предоставила гарантии безопасности Румынии, Греции и Турции. В тот же день Париж подтвердил свою верность франко-польскому договору и предоставил гарантии Румынии и Греции. В отношении Турции правительство Чемберлена действовало с несвойственной ему оперативностью. Уже 12 мая была подписана англо-турецкая декларация о взаимопомощи. 23 июня последовала аналогичная франко-турецкая декларация.

Предоставление британских гарантий не означало готовности Англии оказать эффективную помощь Польше в случае германского нападения. Это было не только трудно технически, но и не входило в планы британского правительства. На заседании комитета по внешней политике британского кабинета 27 марта 1939 г. на вопрос, что произойдет, если Польша и Румыния будут сопротивляться герман-

ской агрессии, Галифакс ответил: «Мы не должны быть святее Иисуса Христа» [31, р. 326–329].

По мнению бывшего полпреда в Лондоне И.М. Майского, «в марте — апреле 1939 г. Чемберлен был столь же верен своей политической линии, как и раньше». Он считал, что правительство Н. Чемберлена стремилось путем предоставления гарантий Польше, Румынии и Греции «утихомирить» внутреннюю оппозицию и «произвести известное психологическое воздействие на Гитлера». И.М. Майский писал: «Было очевидно, что гарантия Польши пока остается лишь клочком бумаги. Ее будущее значение было туманно и загадочно» [2, с. 357].

Гитлеровцам был ясен истинный смысл дипломатических маневров правительства Чемберлена. Неудивительно, что одновременно с предоставлением английских гарантий Польше в штабе Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) была в основном завершена разработка плана польской кампании [32, с. 51].

Британская дипломатия заверяла Москву в том, что она действует в общих интересах. 6 апреля Э. Галифакс проинформировал советского полпреда И.М. Майского о переговорах с Ю. Бекем и выразил надежду на «благожелательное отношение СССР к англо-польскому договору». «Советское правительство, — заявил Галифакс, — может быть уверено, что этот договор мыслится британским правительством не сам по себе, а лишь как первый шаг на пути к созданию широкой коалиции миролюбивых государств против агрессии. Такую коалицию оно не мыслит себе без СССР» [1, № 255]. Но в действительности британская дипломатия действовала в обход Москвы. Н. Чемберлен говорил американскому послу в Лондоне Д. Кеннеди, что «введение России до завершения балканских соглашений может вызвать трудности» [33, р. 139, 140].

Лишь после предоставления гарантий Польше, Румынии и Греции правительства Англии и Франции вступили в переговоры с СССР, которые велись через английского и французского послов в Москве. Переговоры шли очень трудно. Стороны не доверяли друг другу и не были готовы искать компромиссы. Они не исключали возможности сепаратных договоренностей с Гитлером.

14 апреля министр иностранных дел Третьей республики Ж. Бонне передал советскому полпреду Я.З. Сурицу предложение обменяться письмами между правительствами Франции и СССР о взаимных обязательствах прийти на помощь друг другу, если одна из сторон окажется в состоянии войны с Германией вследствие оказания помощи Польше или Румынии [28, № 232, с. 332]. 15 апреля английский посол в Москве У. Сидс проинформировал М.М. Литвинова о предложении своего правительства выступить с декларацией о при-

нятии на себя односторонних обязательств прийти на помощь своим восточноевропейским соседям, если они сочтут ее желательной [28, № 233, с. 332, 333].

И английское, и французское предложения не удовлетворяли советское правительство. Но во французском был хотя бы элемент взаимности. Вопреки мнению некоторых исследователей [22, с. 107], советская дипломатия учитывала различия в политике Англии и Франции. 17 апреля правительство СССР, «считая предложение Франции принципиально приемлемым..., а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами», обратилось к английскому и французскому правительствам с предложениями, которые предусматривали заключение между Англией, Францией и СССР договора о взаимной помощи; оказание тремя державами помощи граничившим с СССР странам Восточной Европы в случае агрессии против них; заключение в кратчайший срок Англией, Францией и СССР военной конвенции; разъяснение английским правительством, что помощь Польше имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии; превращение польско-румынского договора в действующий при всякой агрессии либо отмена его как направленного против СССР, отказ договаривающихся сторон от вступления в сепаратные переговоры с агрессорами и от заключения с ними сепаратного мира; признание необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимопомощи [28, № 239, с. 336, 337].

Таким образом, уже в начале англо-франко-советских переговоров обнаружились серьезные расхождения в позициях сторон. СССР настаивал на заключении трехстороннего договора о взаимопомощи и дополнении его в кратчайшие сроки военной конвенцией, оказании союзниками помощи странам, граничившим с СССР, в случае агрессии против них и ряде других положений. Англия требовала от СССР принятия на себя односторонних обязательств. Но если Туманный Альбион в силу своего географического положения мог уклониться от выполнения обязательств, то СССР такой возможности не имел.

Министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ после знакомства с советскими предложениями сообщил Я.З. Сурицу, что «первое впечатление у него сложилось весьма благоприятное» [28, № 240, с. 337, 338]. 20 апреля британский посол в Париже Э. Фиппс с тревогой сообщал в Форин-офис, что хотя французское правительство еще не закончило изучение советского предложения, но, несмотря на определенные возражения, они могут стать основой соглашения [34, № 241, р. 260–262]. Лондон требовал, чтобы французское правительство не давало ответ Москве, не проконсультировавшись с ним [34, № 240, р. 260; № 250, 251, р. 272]. По мнению Я.З. Сурица, Даладье «легче,

чем Чемберлен пошел бы навстречу нашим контрпредложениям». «Вся беда в том, — писал полпред, — что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, все зависит от Лондона» [8, с. 773].

Советские предложения обсуждались на заседаниях комитета по внешней политике британского правительства. 19 апреля Чемберлен заявил, что «в военном отношении СССР представляет незначительную силу» [31, р. 298]. Такого же мнения придерживался комитет начальников штабов. Но главным было другое. Как многозначительно указывал министр по координации обороны Четфилд на заседании комитета 25 апреля, «политические аргументы против военного союза с СССР столь непреодолимы, что они “перевешивают” любые военные выгоды» [31, р. 302]. Суть «политических аргументов» разъяснил на заседании комитета по внешней политике 5 мая Э. Галифакс. Он заявил, что если вместо «свободной и неопределенной декларации» принять советские предложения, «мы будем вынуждены изменить всю основу нашей политики» [35, р. 208–211]. 10 мая Э. Галифакс рекомендовал членам комитета отложить военные переговоры с СССР, насколько это возможно [36, р. 199]. Таким образом, правительство Н. Чемберлена взяло на вооружение тактику затягивания времени, что в конечном счете завело англо-франко-советские переговоры в тупик.

Подведем итоги. Политика гарантий западных держав весной 1939 г. представляла собой отход от политики умиротворения в ее мюнхенском виде, но не означала полный разрыв с ней. С одной стороны, правительство Англии предоставило гарантии безопасности некоторым странам Восточной и Юго-Восточной Европы и вступило в переговоры с СССР. С другой стороны, на Даунинг-стрит не оставили надежды на соглашение с Германией. Неудивительно, что британские гарантии малым странам носили декларативный характер, а переговоры с Москвой всячески затягивались.

Советская дипломатия не доверяла западным правительствам. Предоставление гарантий Польше, Румынии и Греции она расценила как продолжение политики умиротворения агрессоров и попытку изолировать СССР от стран Восточной Европы. Тем не менее правительство СССР не отказывалось от сотрудничества с Англией и Францией. Весной 1939 г. шансы на заключение англо-франко-советского договора о взаимопомощи еще оставались. Казалось, что Москве легче найти общий язык с Парижем, чем с Лондоном. Но британская дипломатия оказала давление на правительство Э. Даладье, чтобы не допустить его положительного ответа на советские предложения от 17 апреля. Трагедия Франции в 1940 г. стала следствием ее отказа от сотрудничества с СССР и односторонней ориен-

тации на Англию. Политика западных держав не оставила Сталину выбора и фактически подтолкнула его к заключению пакта о ненападении с Германией.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Год кризиса. 1938–1939 гг.: Документы и материалы.* В 2 т. Т. 1. Москва, Политиздат, 1990, 560 с.
- [2] Майский И.М. *Воспоминания советского дипломата. 1925–1945.* Москва, Наука, 1971, 711 с.
- [3] Tailor A.J.P. *The Origins of the Second World War.* London, Hamish Hamilton, 1961, 296 p.
- [4] Newman S. *March 1939: the British guarantee to Poland.* Oxford, Clarendon press, 1976, 253 p.
- [5] Parkinson R. *Peace for our Times. Munich to Dunkirk — the inside story.* London, Rupert Hart-Davis, 1971, 412 p.
- [6] Watt D. *Too serious business. European armed forces and the approach to the Second World War.* Berkley-Los Angeles, University of California press, 1975, 200 p.
- [7] Adamthwaite A. *France and the coming of the Second World War. 1936–1939.* London, Cass, 1977, 424 p.
- [8] Громько А.А., ред. *История дипломатии. В 5 т. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капитализма.* Москва, Госполитиздат, 1965, 831 с.
- [9] Андросов И.Ю. *На перекрестке трех стратегий.* Москва, Молодая гвардия, 1979, 182 с.
- [10] Волков Ф.Д. *Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки в годы Второй мировой войны.* Москва, Политиздат, 1989, 367 с.
- [11] Кобляков И.К. Политический кризис в Европе 1939 года. В кн.: *Европа в международных отношениях 1917–1939.* Москва, Наука, 1979, с. 374–418.
- [12] Овсяный И.Д. *Тайна, в которой война рождалась. (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну).* Москва, Изд-во политической литературы, 1975, 384 с.
- [13] Севостьянов П.П. *Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.* Москва, Политиздат, 1981, 367 с.
- [14] Сиполс В.Я. *Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны.* Москва, Международные отношения, 1989, 336 с.
- [15] Капитонова Н.И. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа-Молотова: от умиротворения к политике гарантий? *«Завтра может быть уже поздно...».* Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 81–96.
- [16] Иванов А.Г. В поисках союзников. СССР и западные державы в канун Второй мировой войны. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2016, том 8, № 2/2, с. 20–34.
- [17] Семиряга М.И. *Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941.* Москва, Высшая школа, 1992, 302 с.
- [18] Белоусова З.С. СССР в контексте международных отношений 30-х годов. В кн.: *Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов.* Москва, Международные отношения, 1992, 347 с.

- [19] Случ С.З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 — август 1939). «*Завтра может быть уже поздно...*». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 251–270.
- [20] Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков. «*Завтра может быть уже поздно...*». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 185–203.
- [21] Наринский М.М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны. «*Завтра может быть уже поздно...*». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 23–47.
- [22] Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию» или политика гарантий. «*Завтра может быть уже поздно...*». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 97–114.
- [23] Мельтохов М.И. Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 гг. «*Завтра может быть уже поздно...*». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. Москва, МГИМО (У) МИД России, 2009, с. 126–142.
- [24] Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. Москва, Прогресс, 1990, 480 с.
- [25] Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. 1 января 1939 — 31 августа 1939. Москва, Международные отношения, 1992, 710 с.
- [26] Торкунов А.В., Наринский М.М., ред. История международных отношений. В 3 т. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. Москва, Аспект Пресс, 2012, 496 с.
- [27] Чемпалов И.Н. Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март-июнь 1939 г.). В кн.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, Изд-во УрГУ, 1975, с. 85–156.
- [28] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сент. 1938 — авг. 1939 г.: Документы и материалы. Москва, Политиздат, 1971, 736 с.
- [29] Федоров К.В. Агрессивные планы фашистской Германии накануне Второй мировой войны (на основе анализа дипломатических документов). Гуманитарный вестник, 2017, № 7. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-7-454>
- [30] Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн. Кн. 1. Т. I–II. Москва, Воениздат, 1991, 592 с.
- [31] *Public Record Office*. London, 947, cab. 27/625.
- [32] Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Москва, Вече, 2002, 544 с.
- [33] *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1939. V.1. General*. Washington, Gvt. print. off., 1956, 1059 p.
- [34] *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Third series: In 10 vls. Vol. 5. London, H.M.S.O., 1952, 818 p.
- [35] Colvin I. *The Chamberlain Cabinet: How the Meetings in 10 Downing Street, 1937–1939, Led to the Second World War*. London, Taplinger Publishing Company, 1971, 286 p.
- [36] *Public Record Office*. London, FO, 434/6.

Статья поступила в редакцию 18.12.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Федоров К.В. СССР и политика гарантий западных держав весной 1939 г.

Гуманитарный вестник, 2018, вып. 1.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-1-503>

Федоров Константин Викторович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Специалист по истории России, внешней политике, истории государства и права. Автор более 40 научных статей и методических пособий. e-mail: fedorov@live.ru

The USSR and the "policy of guarantees" of the Western powers in the spring of 1939

© K.V. Fedorov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

Having analysed various diplomatic documents, the author comes to the conclusion that the "policy of guarantees" practiced by the Western governments in the spring of 1939 represented a departure from the Munich policy of appeasement, but did not mean a complete break from it. While the USSR did not trust either Britain or France, it did not refuse collaboration. Nevertheless, the breakdown in the Triple Alliance Negotiations resulted in losing the opportunity to prevent the World War II.

Keywords: *World War II, aggressive policy of Nazi Germany, policy of guarantees, Soviet diplomatic corps, Triple Alliance Negotiations*

REFERENCES

- [1] *God krizisa. 1938–1939 gg.: Dokumenty i materialy* [The year of crisis. 1938–1939: Documents and materials]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1990, 560 p.
- [2] Mayskiy I.M. *Vospominaniya sovetskogo diplomata* [Memories of a Soviet diplomat]. 1925–1945. Moscow, Nauka Publ., 1971, 711 p.
- [3] Taylor A.J.P. *The Origins of the Second World War*. London, Hamish Hamilton, 1961, 296 p.
- [4] Newman S. *March 1939: the British guarantee to Poland*. Oxford, Clarendon Press, 1976, 253 p.
- [5] Parkinson R. *Peace for our Times. Munich to Dunkirk — the inside story*. London, Rupert Hart-Davis, 1971, 412 p.
- [6] Watt D. *Too serious business. European armed forces and the approach to the Second World War*. Berkley-Los Angeles, University of California Press, 1975, 200 p.
- [7] Adamthwaite A. *France and the coming of the Second World War. 1936–1939*. London, Cass, 1977, 424 p.
- [8] Gromyko A.A., ed. *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. In 5 vols. Vol. 3. *Diplomatiya na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma* [Diplomacy at the first stage of the general capitalist crisis]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1965, 831 p.
- [9] Androsov I.Yu. *Na perekrestke trekh strategiy* [At the crossroads of three strategies]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1979, 182 p.
- [10] Volkov F.D. *Taynoe stanovitsya yavnyim: Deyatelnost diplomatii i razvedki v gody Vtoroy mirovoy voyny* [The hidden becomes manifest: Activity of diplomacy and intelligence during World War II]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1989, 367 p.
- [11] Koblyakov I.K. *Politicheskiy krizis v Evrope 1939 goda* [Political crisis in the 1939 Europe]. In: *Evropa v mezhdunarodnykh otosheniyakh 1917–1939* [Europe in 1917–1939 foreign affairs]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 374–418.
- [12] Ovsyanyy I.D. *Tayna, v kotoroy voyna rozhдалas. (Kak imperialisty podgotovili i razvyazali vtoruyu mirovuyu voynu)* [The mystery the war was born in (How

- the Imperialists prepared and unleashed World War II)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1975, 384 p.
- [13] Sevostyanov P.P. *Pered velikim ispytaniem: Vneshnyaya politika SSSR nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny. Sentyabr 1939 — iyun 1941 g* [Before a great trial: foreign policy of the USSR prior to the Great Patriotic War. September 1939 — June 1941]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1981, 367 p.
- [14] Sipols V.Ya. *Diplomaticeskaya borba nakanune vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic struggle prior to World War II]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Press, 1989, 336 p.
- [15] Kapitonova N.I. Politika Velikobritanii ot Myunkhena do pakta Ribbentropa-Molotova: ot umirotvoreniya k politike garantii? [British policy from Munich to the Molotov–Ribbentrop Pact: from appeasement to the policy of guarantees?] *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 81–96.
- [16] Ivanov A.G. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl — Historical and Social Educational Ideas*, 2016, vol. 8, no. 2/2, pp. 20–34.
- [17] Semiryaga M.I. *Tayny stalinskoy diplomatii* [Mysteries of Stalin's diplomacy]. 1939–1941. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1992, 302 p.
- [18] Belousova Z.S. SSSR v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy 30-kh godov [USSR in the context of 1930s foreign affairs]. *Sovetskaya vneshnyaya politika 1917–1945 gg. Poiski novykh podkhodov* [Soviet foreign policy. In search for new approaches]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Press, 1992, 347 p.
- [19] Sluch S.Z. Politika Germanii i SSSR v otnoshenii Polshi (oktyabr 1938 — avgust 1939) [German and USSR policy concerning Poland (October 1938 — August 1939)]. *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 251–270.
- [20] Smirnov V.P. Myunkhenskaya konferentsiya i sovetско-germanskiiy pakt o nenapadenii v diskussiyakh rossiyskikh istorikov [The Munich conference and the German–Soviet Non-aggression Pact as discussed by Russian historians]. *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 185–203.
- [21] Narinskiy M.M. Mezhdunarodno-politicheskiy krizis kanuna Vtoroy mirovoy voyny [International political crisis prior to World War II]. *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 23–47.

- [22] Obichkina E.O. Frantsuzskaya diplomatiya 1938–1939 gg.: ot umirotvoreniiya k sderzhivaniyu ili politika garantiy [1938-1939 French diplomacy: from appeasement to containment, or the policy of guarantees]. *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno.: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 97–114.
- [23] Meltyukhov M.I. Sovetskiy Soyuz v evropeyskoy politike oseni 1938 — leta 1939 gg. [USSR in European politics: autumn of 1938 to summer of 1939]. *Zavtra mozhet byt uzhe pozdno.: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsialnyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [Tomorrow may be too late: MGIMO Review of International Relations. Special edition commemorating the 70th anniversary of the start of the World War II]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, pp. 126–142.
- [24] Fleischhauer I. *Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939* [The Pact. Hitler, Stalin and the 1938–1939 initiative of the German diplomacy]. Berlin, Ullstein, 1990, 552 p. [In Russ.: Fleischhauer I. *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii. 1938–1939*. Moscow, Progress Publ., 1990, 480 p.].
- [25] *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [USSR foreign policy documents]. Vol. 22. Book 1: *1 yanvarya 1939 — 31 avgusta 1939* [January 1st, 1939 — August 31st, 1939]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Press, 1992, 710 p.
- [26] Torkunov A.V., Narinskiy M.M., ed. *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy [History of foreign affairs]. In 3 vols. Vol. 2: Mezhoennyy period i Vtoraya mirovaya voyna* [The interwar period and the Second World War]. Moscow, Aspekt-press, 2012, 496 p.
- [27] Chempalov I.N. Predostavlenie anglo-frantsuzskikh garantiy Polshe, Rumynii, Gretsii i Turtsii (mart–iyun 1939 g.) [British and French guarantees to Poland, Romania, Greece and Turkey (March — June 1939)]. *Balkany i Blizhniy Vostok v noveyshee vremya* [The Balkans and the Middle East in contemporary history]. Sverdlovsk, USU Publ., 1975, pp. 85–156.
- [28] *SSSR v borbe za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny. Sent. 1938 — avg. 1939 g.: Dokumenty i materialy* [USSR fighting for peace prior to World War II. September 1938 — August 1939: documents and materials]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1971, 736 p.
- [29] Fedorov K.V. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2017, no. 7. Available at: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-7-454>
- [30] Churchill W. *The Second World War*. In 6 vols. Boston, Houghton Mifflin Co., 1948–53. [In Russ.: Churchill W. *Vtoraya mirovaya voyna*. In 3 books. Book 1. Vol. I–II. Moscow, State Publishing House of Military Literature, 1991, 592 p.].
- [31] *Public Record Office*. London, 947, cab. 27/625.
- [32] Meltyukhov M.I. *Upushchenny shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i borba za Evropu: 1939–1941 gg. (dokumenty, fakty, suzhdeniya)* [The chance that Stalin missed. The USSR and the fight for Europe: 1939–1941 (papers, facts, opinions)]. Moscow, Veche Publ., 2002, 544 p.
- [33] *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1939*. Vol. 1. *General*. Washington, Gvt. print. off., 1956, 1059 p.
- [34] *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Third series: In 10 vls. Vol. 5. London, H.M.S.O., 1952, 818 p.

- [35] Colvin I. *The Chamberlain Cabinet: How the Meetings in 10 Downing Street, 1937–1939, led to the Second World War*. London, Taplinger Publishing Company, 1971, 286 p.
- [36] *Public Record Office*. London, FO, 434/6.

Fedorov K.V., Cand. Sc. (Hist.), Assoc. Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. Specialises in Russian history, foreign policy, history of state and law. Author of over 40 scientific publications and methodological manuals. e-mail: fedorov@live.ru